

— Не смей меня ругать, — лицо На Иня мгновенно вытянулось, и он тут же добавил, — даже в мыслях, иначе наложу проклятие на три года.

Хэ Сы: «...»

С тех пор как Хэ Сы занял пост наместника Восточной палаты, он впервые чувствовал себя настолько униженным, но при этом не смел и пикнуть. Проклятие на три года — штука серьёзная, да ещё и его долг в триста тысяч лянов серебра. Какой бы сильный гнев ни обуревал, он не смел вымолвить ни слова.

Пришлось проглотить все оскорбления, вертящиеся на языке, и смиренно принять книгу, которую протянул На Инь. Перелистывая потрёпанные страницы, он всё же не удержался:

— Но эта книга сама способна...

— Надоел, — На Инь сменил выражение лица быстрее, чем перевернул страницу. — Это просто книга, которую в мусорной куче бы не подобрали. И ты ещё сокровищем её считаешь, только глаза мне мараешь.

Хэ Сы: «...»

Истрёпанная книга: «... Вот чёрт, как же грубо! Разве можно так про меня говорить? Хочешь, ночами буду являться и хныкать у твоей постели?»

На Инь лишь холодно бросил на книгу взгляд.

Книга тут же притихла, включив режим полной невидимости.

На Инь, развалившись в кресле и закинув ногу на ногу, поднёс к губам чашку из зеленого фарфора, сделав глоток чая, чтобы увлажнить горло. — Вместо того чтобы тратить силы на эту обтрёпанную книжонку, лучше о себе позаботься.

Хэ Сы с недоумением посмотрел на него:

— Что вы имеете в виду, учитель?

На Инь бесстрастно приподнял веки, скользнул по нему взглядом и крикнул:

— На лице у тебя печать персикового цвета. В ближайшее время навлечёшь на себя любовную напасть.

Хэ Сы дёрнулся, невольно вспомнив тот случай в Вечном переулке, где его всю тискали. Он фальшиво улыбнулся:

— Учитель, вы надо мной подшучиваете. Я ведь евнух, мне суждено век в одиночестве прожить. Какая уж тут любовная напасть?

— Не спеши радоваться, — в уголке рта На Иня заиграла безжалостная усмешка, пальцы постукивали по сложенным ногам. — Ты услышал только первые два слова, да забыл про последнее. Это не только твой «цветок персика», но и твоя «напасть». Вся твоя жизнь — радость от него, горе от него, счастье от него, страдания от него.

Хэ Сы замолчал.

На Инь, всё поняв, чуть тронул уголки губ. Улыбка его, однако, выглядела ещё холоднее и отстранённое, чем обычное бесстрашие, словно безмятежное божество, со снисходительной жалостью взирающее на Хэ Сы:

— Подумай хорошенько, глупы...

Он пошевелил губами, но не договорил.

Однако в голове у Хэ Сы пронеслось: «Не думай, что если не сказал, я не понял! Хотел назвать меня «глупым творением», да? Да?!»

Размышляя о непонятной любовной напасти, он спросил На Иня:

— Слышал, вы недавно в затворничество ушли из-за сердечной раны. Я с такими делами не сталкивался, потому заранее хочу у вас совета спросить: если действительно напасть эта случится, как её избежать можно?

Например, одним махом разделаться с этой напастью.

Где-то в Северном усмирительном управлении некто внезапно вздрогнул, с удивлением потирая покрытые мурашками руки, и пробормотал:

— Кто это там меня сглазить норовит?

Лицо На Иня на мгновение позеленело и почернело одновременно. Хэ Сы уже подумал, что тот сейчас взорвётся, и собрался было улизнуть, но На Инь лишь надменно холодно усмехнулся:

— Не чета я вам, глупцам, — грациозно поднялся он, словно белый журавль, взмахнул рукавом и удалился, оставив в воздухе лишь слова:

— Сам разбирайся.

Хэ Сы остался сидеть в одиночестве. Огонь в жаровне погас, но чай в котелке ещё побулькивал.

Маленький даос, что ранее указывал ему путь, откуда ни возьмись вынырнул и ловко принялся собирать чайную утварь. Увидев потерянного Хэ Сы, он ободряюще улыбнулся:

— У моего учителя такой нрав, вы не обращайтесь внимания. Вообще-то, то, что он лично вас принял, уже означает, что считает вас другом, он...

— Эр Гоу, меньше болтовни! Марш кормить осла!

Даос: «...»

Хэ Сы: «...»

Видя окаменевшего даоса, Хэ Сы любезно напомнил:

— Эр Гоу, беги, а то учитель рассердится.

Даос: «QAQ!»

Учитель какой противный! Опять моё детское имя называет!

Эр Гоу, понурившись, с чайным подносом в руках поклонился Хэ Сы и, всё так же уныло, поплёлся в сторону храма.

Хэ Сы не удержался:

— У вас в Астрономическом приказе и ослов держат?

Он никак не мог связать это животное со столь возвышенной личностью, как На Инь.

— М-м... — без энтузиазма ответил Эр Гоу, — учитель держит, чтобы бобы для молока молоть.

Хэ Сы: «... Полезно... очень питательно.»

Эр Гоу, прижимая лакированный поднос, кивнул, посмотрел на Хэ Сы и, решив, что господин наместник и вправду видный, на цыпочках подошёл ближе и таинственно прошептал ему на ухо:

— Слова учителя близко к сердцу не принимайте, он любит попугая. Хоть тот человек и ваша напасть, но может и счастьем обернуться. Не тревожьтесь, господин, плывите по течению.

— Эр Гоу! — рёв На Иня прокатился по храмовому залу.

Эр Гоу вздрогнул и засеменял внутрь:

— Бегу, бегу, учитель, не сердитесь, только не сжигайте меня, QAQ!

Хэ Сы: «...»

У них в Восточной палате людей едят, а в Астрономическом приказе — жгут. Хэ Сы вдруг осознал, как страшны учреждения Великой Янь...

□□□□□□□□□□□□□□□□

Накануне въезда в столицу первого князя Хэ Сы, сонный, закутавшись в ватную куртку, открыл окно. За окном кружились редкие снежинки, припорошившие ветви деревьев лёгкой белизной. За линией крыш виднелась серебристая кайма, все дворцы и павильоны были слегка подбелены.

Хэ Сы переночевал в дежурной комнате Дворцового секретариата. Дежурить во дворце ему не полагалось, но юный император в последнее время будто с катушек слетел — то и дело вызывал его для услуг.

Вызывал, да ничего и не поручал. Прикажет стул принести, усадит, а сам либо читает и пишет, либо приседания с махами отрабатывает.

Хэ Сы так изнервничался, что готов был привязать этого мелкого негодника к петарде и отправить в небеса.

Но тот всё же император, и Хэ Сы, хоть лопни от злости, должен был терпеть.

Терпеть-то терпел, но юный император ещё и похвастаться любил: то и дело крикал, подзывал — полюбуйся, мол, на мои каракули.

По правде говоря, Хэ Сы был уверен: рассыпь он на бумаге зёрна, поймай курицу, обмакни ей

лапы в чернила и дай потоптаться — выйдет куда лучше.

Взглянул — глаза заболели. И как это император умудряется писать, будто черти водят? Как же он потом доклады читать будет, когда министры, костями старыми скрипя, представят их на рассмотрение?

Великая Янь и так уже немногих достойных сановников потеряла, а если ещё нескольких с того света спровадить — глядишь, завтрашний день и днём падения династии станет.

Потому Хэ Сы специально пригласил для беседы наставника императора, Янь Тайфу. Мягко, но обстоятельно высказался:

— Слышал я, ваше превосходительство, что его величество в поэзии и политике преуспевает, но вот почерк...

Тактично не договорил.

Янь Тайфу всё понял, покраснел и, твердя «стыд и срам», заверил, что отныне лично будет обучать императора каллиграфии, и к следующему году тот обязательно овладеет изящным почерком.

Хэ Сы остался доволен, похлопал Янь Тайфу по плечу, велел стараться — мол, если император преуспеет, и его ждёт великое будущее.

Хэ Сы хотел наладить отношения с образованными людьми — нынешний наставник императора в будущем почти наверняка станет членом Внутреннего кабинета. Чтобы дожить до спокойной отставки, нужно было заручиться прочной дружбой с этим ведомством.

Видимо, грозная слава Восточной палаты сыграла свою роль — от его похлопывания Янь Тайфу аж подпрыгнул и отскочил на три шага, что-то бормоча себе под нос.

<http://bllate.org/book/16284/1467143>